

УДК 801.313.1+802.0

Л.В. Гнаповская

**ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?
(ПОЭТИКА АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО КОМПОЗИТА)**

Как самостоятельный класс языковых единиц, имена собственные (далее – ИС) были выделены еще стоиками. С тех пор продолжается дискуссия о природе их качественной определённости, в ходе которой было высказано множество как однозначных, так и достаточно противоречивых суждений. В современной ономастической теории ключевым остается вопрос о том, «понятийны» ли онимы. При этом предлагаемые пути решения проблемы их смысловой структуры варьируют в широком диапазоне – от вывода об узкой, бедной семантике ИС, вплоть до их полной асемантичности, до утверждения о том, что семантическая структура онама шире и богаче значения имени нарицательного.

Признание того факта, что собственные имена приобретают референцию только благодаря участию в процессе именованья *мыслящих* существ – носителей языка, высветило новый ракурс в изучении онтологической природы онимов – необходимость исследования того, с какими структурами знания они соотносятся и какие ментальные процессы положены в основу ономастической номинации. Осознание неизбежности выхода из замкнутой системы языка при анализе семантической структуры языкового знака и признание того факта, что языковое значение является мысленно кодируемой информационной структурой, придало актуальность поиску и установлению тех характеристик ИС, которые позволяют рассматривать его как некое когнитивное образование, «вплетенное» в контекст общественного сознания индивидов, составляющих определенный социум на конкретном временном и социальном срезе. Предлагаемая статья есть попыткой проиллюстрировать лингвокультурный потенциал ономастической лексики на конкретном языковом материале – системе современных английских личных имен (далее – ЛИ) германского происхождения, наглядно показав, каким образом на основании антропонимических данных можно реконструировать фрагменты ономастической модели мира этноса, в данном случае – англосаксонской культурно-исторической традиции.

В рамках предлагаемого исследования антропонимы как одна из подсистем ономастического пространства языка рассматриваются в качестве свёрнутых *национально-культурных текстов* (далее – НКТ), т.е. единиц более высокого по сравнению с именем-словом уровня организации [1]. Такой подход вписывается в общие концептуальные

рамки наметившейся в современных лингвистических исследованиях трактовки текста как сложного имени особого рода [3, с. 42].

В ЛИ как свёрнутом НКТ мы выделяем два слоя его плана выражения, которые определяем как *холистический* и *текстономический*. На уровне *холистического слоя* антропоним идентифицируется как целостная структура, являющаяся одновременно анализируемой, поскольку состоит из частей, связанных внутренними отношениями. Последние проявляются в *текстономическом слое*, где эксплицируются различного рода соотношения и связи между отдельными компонентами антропонима-текста.

При анализе характера текстономических связей между элементами композитных ЛИ, представляющих группу *ранних* антропонимов германского происхождения, примечательным является то, что описание внутренних отношений между элементами антропонимического двучлена выявляет его *поэтическую природу*. А поскольку элементарный поэтический образ создается, считает Т.В. Топорова, *двумя* компонентами, то каждое двусоставное ЛИ следует интерпретировать как ономастический *микротекст*, минимальное поэтическое сочетание, в организации которого принимают участие оба его элемента [4, с. 137].

Исследуя поэтический характер древнегерманских двучленных ИС в синхронии и диахронии, Г. Шрамм утверждает, что двухкомпонентные онимы возникают из элементов эпоса, поскольку подобные модели восходят к сложным обозначениям мужа-воина в героической поэзии. В синхронии, по его мнению, «апеллятивным фоном» двучленных ИС являются поэтические обозначения правителей и воинов, в силу чего образование подобных имен можно рассматривать как результат игровых вариаций поэтического словосложения [см. 4, с. 135-136]. В этой связи Т.В. Топорова, детально рассматривая особенности взаимодействия компонентов древнегерманских композитных ИС на фонетическом уровне, также приходит к выводу о том, что именам собственным как ономастической микросистеме свойственна специфическая организация, проявляющаяся в определенных поэтических связях между членами онима (в частности, звуковые повторы, аллитерация и т.п.).

Проведенный нами анализ текстономических связей между элементами апеллятивных основ английских ЛИ, представляющих группу ранних антропонимов германского происхождения, позволяет утверждать, что *поэтическая природа* рассматриваемых антропонимических композитов проявляется и на лексико-семантическом уровне, доказательством чего служат рассматриваемые ниже явления.

1. Лексемы-компоненты композитных имен образуют *поэтические фигуры* – сравнения и метафоры, в результате чего имя в целом кодирует определенный героический или мифологический сюжет.

Кластерное значение антропонима в данном случае можно осмыслить тропеически на основе анализа семантики входящих в его состав апеллятивов даже в случае, когда с точки зрения формальной логики общее значение сложного слова невозможно вывести из суммы значений его компонентов. К примеру, некоторые элементы фауны, вошедшие в состав ЛИ рассматриваемого типа, отражают не просто реальный животный мир древнегерманской эпохи, но и его восприятие в мифологии и героической поэзии. Так, элемент «волк» (др.-англ. *wulf*) несет определенную мифологическую нагрузку: в германской мифологии волк символизировал «принесшего победу»: на нем ездил верховный бог Один-Вотан. Поэтому в таких именах как *Adolph* («благородный» + «волк»), *Biddulph* («бой, битва (поэт.)» + «волк»: букв. «воин»), *Randolf* («щит» + «волк»: букв. «воин со щитом») элемент «волк» замещает понятие «мужа, война → победителя». Несомненное влияние героического восприятия мира и героической поэзии обусловило также продуктивность элемента «кабан» (др.-англ. *eber, eofor*), поскольку именно это животное символизировало воинские доблести — мощь и силу (см. имя *Everard* — «кабан» + «сильный»: букв. «сильный, как кабан»). Аналогичную функцию среди птиц выполнял орел, что подтверждает анализ мужского антропонима *Arnold* («орел» + «править, управлять») с метафорически осмысленным этимологическим значением «сильный, как орёл».

2. Некоторые имена содержат *семантический интенсификатор*, в роли которого выступает лексема «весь, все, всё» — см., например, жен. имя *Elvira*, предположительно происходящее от готского *Alwara*, в котором объединены элементы «весь» (гот. *alls*) и «защита» (*wards*): т.о., *Elvira* — это «та, которая всех оберегает, защищает, всё сохраняет»; муж. имя *Alaric* — «все, всё» + «богатый → могущественный», т.е. «всемогущественный». Функцию семантического интенсификатора могут выполнять также лексемы, употребляющиеся только в первой позиции и выполняющие поэтическую, орнаментальную функцию (напр. «народ», «счастье, богатство», «слава», «честь» и др.).

3. Семантически близкими к проанализированным выше именам являются антропонимы, *оба элемента* которых обозначают *положительную оценку*. В результате такие композитные имена как муж./жен. *Albert(a)* (*Ethelbert(a)*) — «благородный» + «знаменитый»; жен. *Elma* — «благородная» + «знаменитая»; муж. *Archibald* — «настоящий, благородный» + «смелый», *Aldrich* (*Eldridge*) — «старый, мудрый» + «богатый», *Richard* — «богатый» + «смелый», в которых подчеркиваются позитивные моменты, представляют собой компрессию основных доблестей героической по своей сути англосаксонской модели мира.

4. Типологическим аналогом данных имён являются т.н. «*тавтологические имена*», в которых комбинируются синонимичные компоненты, — например, жен. имя *Hedwig* < двн *hadu* («бой, битва») + др.-англ. *wīg* («бой, битва»); муж. антропонимы *Cuthbert* < др.-англ. *cūth*

(«знаменитый») + др. англ. *beorht* («знаменитый») и *Edric* < др.-англ. *ēad* («богатство, имущество») + др.-англ. *gīce* («богатый») и др.

5. Существование в английском антропонимиконе тавтологических имён тесно связано с функционированием еще одного явления, служащего бесспорным доказательством поэтической природы рассматриваемых ЛИ – наличием многочисленных синонимичных имён, в которых сильно развитая *синонимия* составляющих их лексем-компонентов возникает как результат релевантности и социальной значимости обозначаемых ими понятий и выражается в плюралистичности вербальной реализации однородных или тождественных понятий. При этом, по мнению Д.О. Добровольского, «концепт не безразличен к своей языковой манифестации», и существование в языке ряда слов, по-разному выражающих одно и то же понятие, дает основание считать, что «каждый раз мы имеем дело с разными концептуальными вариантами и, соответственно, с разными семантическими структурами» [2, с. 71]. Проверим достоверность этого утверждения на материале рассматриваемых антропонимов.

Так, признавая, что единое понятие «известный, знаменитый», релевантное в контексте типичного для англосаксонского общества героического восприятия мира, обозначается пятью различными лексемами (др.-англ. *beorht*/ двн *beraht*, др.-англ. *scīnan*, др.-англ. *cūth*, др.-англ. *mæge*, двн *hlūt*), мы не можем не отметить, что в каждом из пяти случаев рассматриваемое понятие восходит к онтологически нетождественным концептам. Др.-англ. *beorht* (см. имена *Berthold* – «яркий, знаменитый» + «править»: букв. «тот, кто правит в великолепии»; *Hubert* – «душа, дух» + «знаменитый»; *Wilbert* – «воля, желание» + «блестящий, знаменитый»; *Robert* – «слава» + «знаменитый» и др.) – это метафорическое переосмысление понятия «блестящий, яркий», а др.-англ. *scīnan* (см. *Sherwin* – «сияющий, знаменитый» + «друг» и др.) – понятия «сияющий». Данные лексемы отсылают к *зрительному восприятию* объекта, к визуальному воплощению понятия «известный»: «яркий, блестящий» → «известный». Двн слово *hlūt* отражает понятие, сформировавшееся в результате *слухового восприятия*: «громкий» – соответственно, «известный» (см. муж. имена *Ludwig/ Ludowic* – «знаменитый, громкий» + «бой, сражение»; *Luther* – «знаменитый, громкий» + «армия, войско»). Другая др.-англ. лексема – *mæge*, входящая в состав таких муж. имён как *Marvin* – «известный» + «друг», *Aylmer* – «благородный» + «знаменитый», *Osmer* – «бог» + «знаменитый» и др., концептуально близка понятию «слава»: «славный» → «известный, знаменитый». А концептуальные основания вхождения др.-англ. лексемы *cūth* в состав мужского имени *Cuthbert* («родной, знаменитый» + «яркий, знаменитый») следует искать в особенностях формирования этноса древних англосаксов, у которых, по утверждению Е.А. Шервуд, смысл корня *cūth* входил в понятие «*cuththu*», означавшее состояние «родства» и отождествлявшееся часто с тем, что мы сегодня

называем «родиной, страной». В подтверждение исследователь приводит следующий пример. Во втором законе короля Кнута говорится: «Бьющие насмерть и клятвопреступники, нарушители звания духовного сословия и супружеской верности должны покоряться и каяться или со своими грехами с родины (of cuththe) изгоняться» [5, с. 84-85]. Позднее cūth как обозначение чего-то «родного, известного» дало начало таким англосаксонским словам как «объявлять» или «извещать при свидетелях», т.е. «делать известным». Таким образом, cūth, в составе антропонимов – это «родной, известный» → «знаменитый».

Понятие «люди, народ» также вербализуется в апеллятивных основах антропонимов рассматриваемой группы плюралистично – с помощью трех различных лексем: др.-англ. folc/ двн folk, др.-англ. tēod/ двн theuda и др.-англ. lēod/ двн liut. Наличие трёх разных вариантов вербального воплощения понятия «народ» в апеллятивных основах рассматриваемых имен отсылает исследователя к рассмотрению различных оснований его появления, что подтверждается конкретными историческими и этнографическими данными.

В целом, зафиксированные в составе апеллятивов рассматриваемых имен древнеанглийские основы folc (двн folk), tēod (двн theuda) и lēod (двн liut), равно как и этноним Englisc («англичане»), отражают все основные этапы формирования этнического самосознания англосаксов и процесс их постепенного приближения к формированию англичан как народности, давшей жизнь английской нации. На примере анализа сигнификатов указанных лексем-этнонимов можно проследить процесс перерастания родовой организации у англосаксов в территориальную и, соответственно, племенного сознания – в территориальное. Так, первоначально переселившиеся в V в. н.э. на Британские острова германские племена не имели единого наименования, и в каждой местности население, связанное кровнородственными отношениями, жило по своим законам. Общие для всех англосаксов обычаи возникли значительно позже, когда они столкнулись с обычаями других этнических общностей, не признать которых не могли. Уже в VII в. были разрешены смешанные браки как между самими германцами из различных племён, так и между германским и коренным населением (в основном бриттами), что привело к ассимиляции иноэтнического населения и к признанию его роли в деле образования новой этнической общности. К VIII в. бритты стали одной из признанных этнических частей англосаксонской Англии, и возникла настоятельная потребность языкового оформления единого для всего населения англосаксонских королевств сознания общности территории.

С отмиранием гентильных представлений (противопоставления связанных узлами кровного родства «Мы» инородным «Они») происходило первоначальное осознание единства лицами, проживающими на отдельно взятых территориях, а затем осознание единства этих территорий, что наряду с осознанием единства лицами,

говорившими на одном языке («Englisc»), позволило выделить общий для всех англосаксов этноним «Englisc» (см. современное жен. имя *Inglis*). Функционирование его упрочилось к X-XI в.в. в результате скандинавского завоевания, когда англосаксонские короли опирались в период общей опасности на более активную этническую общность — англов, первыми столкнувшихся с набегами датчан.

Весь народ, объединенный системой *родственных связей*, охватывался понятием «folc» (см. имя *Fulcher* — «народ» + «армия», т.е. «армия всего народа»). Слияние нескольких «folces» осознавалось как «Englisc», а территория их проживания — как «Englaland». Лексема «folc», т.о., обозначала понятие, отражавшее гентильную целостность племенных объединений англосаксонского общества, и постепенно (в X-XI в.в.) данный этноним, коренившийся в прошедшем этапе формирования этносознания англосаксов, остановился в своем развитии и устарел. Историческая необходимость выдвинула осознание островными германскими племенами принадлежности к определенному государству, к определенной этнической общности, проживающей на территории, на которой распространялась возникающая государственная власть. Данный период в формировании этносознания англосаксов отражен в лексемах *lēod* (см. имя *Leopold* — «народ» + «смелый») и *tēod* (см. имена *Theobald* — «народ» + «смелый», *Theodoric* — «народ» + «богатый, могущественный»).

Развитие понятия «народ», выражаемого лексемой «*teutho*» («*theuda*», «*teod*»), отражает несколько важных этапов развития этнического самосознания англосаксов. Вначале оно охватывало всех германцев, т.к. германская основа «*theuda*» — древний термин, который выражал не только общность происхождения всех германцев, но и противопоставление своей культуры чужой, что было релевантно, как отмечалось выше, в контексте общего «гентильного» этнического сознания. Так, у германцев встречаются такие древние наименования королей как *teoden* (др.-англ.), *tiodann* (древнесеверн.), *tiodans* (гот.), отражающие значение короля как общего представителя всего племени [5, с. 72-74]. Как видим, германское «*teutho*» соответствовало самоопределению племени (рода) и несло этнический оттенок, равняясь по своему значению греческому слову «этнос» и латинскому «gens».

Позднее у англосаксов данное понятие включало как «Мы» (германцев), так и «Они» (бриттов, подвергшихся ассимиляции датчан и др.), проживавших на одной территории с «Мы». Таким образом, в *tēod* входили все слои населения независимо от их этнической и социальной принадлежности. Рассматриваемый этноним охватывал всё население англосаксонской Англии и являлся синонимом слов «англосаксы» и «англичане». Данное понятие способствовало осознанию англосаксонским обществом единства территории и государства. Впоследствии оно должно было означать территориальную общность. Но данную функцию выполнило понятие, выражаемое словом «*people*»,

принесенным из Нормандии Вильгельмом Завоевателем. Факт вытеснения старофранцузской лексемой «*rople*» исконного слова «*tēod*» указывает, считает Е.А. Шервуд, на незавершенность процесса развития у англосаксов этнического самосознания. Связано это с тем, что ещё не были созданы социально-экономические предпосылки, которые поддерживали бы политическое объединение англосаксов и развитие у них государственности [5, с. 231].

Говоря об эволюции понятия, обозначаемого лексемой *lēod*, отметим, что первоначальное значение этого слова «люди, тесно связанные какими-нибудь признаками (родство, подчинение или общий церковный приход)» к X в. изменилось до наименования ведущей в процессе объединения англосаксонских королевств группы – представителей высшего слоя социальной иерархии как одной из ячеек этносоциальной структуры общества.

6. Проанализированные ниже примеры демонстрируют ситуацию, когда апеллятивы антропонимов могут обозначать практически *тождественные понятия*. Так, понятие «бой, битва» вербализуется в составе германских ЛИ с помощью четырёх синонимичных лексем: др.-англ. *wīg* (*Wigram* – «битва» + «ворон»; *Ludwig* – «знаменитый» + «битва»; *Wystan* – «битва» + «камень»); др.-англ. *guth*/ двн *gunt* (*Gunther* – «битва» + «армия»), двн *hitja* (*Hildebrand* – «битва» + «меч») и двн *hadu* (*Hedwig* – «бой, битва» + «битва, сражение»). Концепт «храбрый, смелый, отважный» также находит свое материальное воплощение в трех синонимичных апеллятивах: др.-англ. *b(e)ald*/ двн *bald* (имена *Baldwin* – «храбрый» + «друг»; *Archibald* – «благородный» + «смелый»; *Leopold* – «народ» + «смелый»); др.-англ. *sēne* (*Kennard* – «смелый» + «страж»; *Kenelm* – «смелый» + «шлем») и двн *kuoni* (*Konrad/ Conrad* – «смелый» + «совет»).

Результатом развития синонимических отношений в среде элементов, выступающих в качестве антропонимических апеллятивных основ, является существование *синонимии на уровне личных имен в целом*. На наш взгляд, синонимами можно считать двухкомпонентные имена, в составе которых комбинируются основы, обозначающие тождественные или близко родственные понятия и воплощенные при этом в материальную форму различных языковых знаков. К примеру, синонимичными являются имена *William* («воля» + «шлем → защита»), *Willard* («воля» + «страж → защита») и *Wilbur* («воля» + «проживание в замке → защита») на том основании, что компонент «воля» (др.-англ. *willa*) сочетается в них с различными лексемами, обозначающими единый концепт «защита, охрана».

Подобным образом можно проинтерпретировать имена *Wilbert* («воля» + «яркий → знаменитый») и *Wilmer* («воля» + «известный → знаменитый»), сформированные в результате слияния в их составе лексем «воля» (др.-англ. *willa*) и двух различных формально лексем –

др.-англ. *beorht/* двн *beraht* и др.-англ. *mæge*, обозначающих единое понятие «известный, знаменитый».

Сходная ситуация наблюдается и в синонимической паре *Aylmer (Elmer)* – «благородный» + «знаменитый» и *Albert* – «благородный» + «знаменитый», где обозначающие семантически ядерное понятие «известный, знаменитый» основы *beorht/ beraht* и *mæge* модифицируются лексемой *æthele/ adal* со значением «благородный», которая в данном случае усиливает значение аксиологически ценного атрибута англосаксонского общества – понятия «известный, знаменитый». Таким образом, и *Aylmer (Elmer)*, и *Albert* – это букв. «тот, кто известен-знаменит своим благородством, знатностью происхождения».

Анализ связей элементов в составе имен *Theobald* («народ» + «храбрый, смелый») и *Leopold* («люди, народ» + «храбрый, смелый») показывает, что данные антропонимы также можно считать синонимами, поскольку объединенными в составе их апеллятивных основ оказываются лексема *b(e)ald* («храбрый, смелый») и две различные лексемы, отражающие единое понятие «люди, народ» – *theuda* и *liut*.

Говоря о синонимии ЛИ, проиллюстрированной с помощью рассмотренных примеров, мы должны оговорить тот важный момент, что рассматривать данные имена как своеобразные синонимичные «формулы-тексты», кодирующие определенный сходный или тождественный сюжет, можно только при анализе их в системе языка, в сфере их виртуального, потенциального существования. Вопрос о синонимии имён снимается, когда мы имеем в виду актуальное функционирование антропонима, т.е. когда мы говорим об экспликации его собственно референтной семантики – того значения, которое имя приобретает, будучи «паспортно приписанным» к одному из его конкретных (реальных) адресатов-носителей. В этом смысле некорректно было бы утверждать, что два различных человека, носящих имена, скажем, *Wilbert* и *Wilmer* или *Theobald* и *Leopold*, тождественны.

Приведенные выше данные являются достаточно убедительным доказательством того, что множественность языкового воплощения сходных концептов свидетельствует о релевантности и социальной значимости этих концептов в контексте мировосприятия англосаксонской культурно-исторической традиции, об их ключевом положении в модели мира, которую исследователь реконструирует на основе интерпретации общего корпуса апеллятивов исследуемых ЛИ. Таким образом, выявление структурно-семантических закономерностей конституирования германских антропонимов является мощным гносеологическим толчком для рассмотрения того, какие сферы общественно обусловленного опыта жизнедеятельности средневековых англосаксов получили свое вербальное воплощение в материальной форме их личных имён как языковых знаков.

Литература

1. **Гнаповская Л.В.** Лингвокогнитивные и лингвокультурологические характеристики английских антропонимов германского происхождения : дис. ... канд. Филол. Наук : 10.02.04 / Гнаповская Людмила Вадимовна. – К., 1999. – 205 с. 2. **Добровольский Д.О.** Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопр. языкознания. – 1996. – №1. – С. 71-93. 3. **Сватко Ю.И.** Мир имени: явленность смысла (Ещё одна попытка осмысления философии имени) // Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. – Харьков: Око, 1993. – С. 3-68. 4. **Топорова Т.В.** Культура в «зеркале языка»: Древнегерманские двучленные имена собственные. / Татьяна Владимировна Топорова – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с. 5. **Шервуд Е.А.** От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа) / Евгения Андреевна Шервуд. – М.: Наука, 1988. – 237 с.

Гнаповська Л.В. Що в імені твоєму? (Поетика антропонічного композиту).

У статті думка про текстову природу оніма доводиться на основі аналізу семантичної структури апеллативів сучасних англійських власних імен германського походження. Детально розглядаються ознаки поетичної природи антропонімічних композитів.

Ключові слова: ономастика, антропонім, згорнутий національно-культурний текст, антропонімічний композит, поетична природа.

Гнаповская Л.В. Что в имени твоём? (Поэтика антропонимического композита)

В статье мысль о текстовой природе онима обосновывается на основе анализа семантической структуры апеллативов современных английских имен германского происхождения. Детально рассматриваются черты поэтической природы антропонимических композитов.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, свернутый национально-культурный текст, антропонимический композит, поэтическая природа.

Hnapovska L.V. What's in a Name? (Poetic Nature of a Compound Anthroponym).

The article focuses on the problem of ontological status of a proper name. The basis for considering text nature of onyms is illustrated by means of interpreting English personal names of Germanic origin. Linguistic and cultural potential encoded in semantic structure of their appellatives is analyzed with respect to the features of poetic nature displayed by compound anthroponyms.

Key words: onomastics, anthroponym, condensed ethnic-cultural text, compound anthroponym, poetic nature.